

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

10-й год издания

№ 7

Июль 1940 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

Борьба за Балтийское море и исторические судьбы Латвии и Эстонии

1

История Прибалтики, начиная с той поры, когда экономическое развитие привело к более тесному сближению между различными странами, приобретает общеевропейское значение.

Исторические судьбы Эстонии и Латвии неразрывно связаны с так называемым балтийским вопросом. На протяжении ряда столетий торговое и политическое господство на Балтийском море оспаривалось всеми прилегающими к нему державами. Борьба за Балтийское море имеет уже тысячелетнюю историю и неизменно отражается на политических судьбах эстонского и латышского народов.

В раннее средневековье Византия и арабские страны наметили оперетили Европу в росте городов, в развитии промышленности и торговли. Поэтому до XI—XII веков народности и племена, жившие в районе Балтийского моря, поддерживали более оживленные торговые сношения со Средней Азией, Ираном и Ближним Востоком нежели с Западной Европой. В этот период торговое и культурное влияние Византии и арабских стран распространялось на всю Восточную Европу, вплоть до берегов Балтийского моря и Скандинавии. Об этом говорят многочисленные находки восточных монет, украшений, оружия и других предметов на территории СССР, прибалтийских стран и Скандинавии.

(Наибольшее оживление на водных путях Восточной Европы наблюдалось с VIII по XI век, когда норманнские разбойники и торговцы рабами и мехами основывали укрепленные торговые стоянки и военные лагеря на восточном побережье Балтийского моря и на судоходных реках.

В торговле скандинавов с византийскими греками и арабами Прибалтика являлась преимущественно транзитной страной. Но имеются также неопровержимые доказательства торговых и военных походов норманнов к местным племенам Прибалтики. Лингвисты обнаружили в целом ряде прибалтийских географических названий корни слов скандинавского происхождения. Например на территории Эстонии встречаются географические названия, производимые от скандинавского слова

«вик» (залив); виком называется западная часть Эстонии, примыкающая к Моонзунду. Русские также рассказывают о торговых и военных поездах скандинавов в Прибалтику.

Археологические раскопки подтверждают многочисленными и красноречивыми свидетельствами экономическое и культурное влияние Скандинавии и других стран на прибалтийские племена в эпоху так называемого «нового железного века», начало которого историк Гаусман приурочивает к VIII столетию.

В балтийской торговле издавна активно участвовали славянские племена кривичей, ильменские славяне и другие племена Восточной Европы, Кокентузен и Гердикэ с VIII или IX столетия являлись опорными пунктами транзитной торговли по Западной Двине (В Полоцке сидели князья, власть которых распространялась почти на весь волный путь по Западной Двине). Но во второй половине XII века началась политический упадок Полоцкого княжества. Оно переходило то в руки смоленских Рюриковичей, то к литовским князьям.

(Культурное и политическое влияние русских на прибалтийские племена подтверждается археологическими данными и неопровержимым свидетельством письменных источников). Русские летописи содержат наиболее древние достоверные сведения о политических отношениях в Прибалтике XI—XII веков. Под 6538 (1030) годом в летописи Нестора рассказывается о военном походе князя Ярослава в Эстонию и основании им города Гурьева (Юрьев) на месте эстонского города Тара. Около середины XI века в летописях перечисляются племена, платившие дань русским князьям. Среди них упоминаются «зимгола, корсь, перема сиречь жемоить, либь» и др.

Неизвестно, как долго продолжалась зависимость перечисленных племен от русских князей. В 1007 году русские князья, повитимому, повторили попытку покорения земгалов, но потерпели тяжелое поражение, оставив на поле брани 9 тысяч убитых. Зато достоверно известно, что латышские племена и ливы, жившие по обоим берегам Западной Двины, находились в зависимости от Полоцка, которая продолжала

лась вплоть до покорения страны крестоносцами.

Псков также обеспечил себе свободный выход к Западной Двине и морю. Ему подчинялись латышские племена в Талаве. Генрих Латвийский рассказывает, что в 1216 году «пришли также русские, по обычаю, в землю лэтов Таловы собирать свой оброк...»

Русские летописи рассказывают о военных походах из Пскова и Новгорода против эстов, или чуди, в XI и XII веках. Эсты отвечали тем же. Они устраивали новгородцам, как жалуется летописец, «пакость великую, много добрых мужей избыша новгородцов». В продолжение XI—XII веков новгородцы несколько раз брали Юрьев, но ни разу не могли надолго удержать его за собой. В большинстве случаев новгородцы и псковичи ограничивались тем, что «пожгоша землю их и полона без числа приведоша» («Полное собрание русских летописей». Т. III, стр. 20). До начала XIII века большинство эстонских племен успешно отражало натиск новгородцев и псковичей. Исключением являлись племена юговосточной части страны (Унгавнии), которые продолжительное время, хотя и с перерывами, платили дань русским князьям.

Эстонские племена, жившие на островах при входе в Рижский залив, и куроны посещали в торговых целях остров Готланд и приобрели известность как опасные морские пираты. В скандинавских преданиях эсты упоминаются не только как противники норманнов, но и как их союзники и соучастники в общих военных предприятиях. В XI—XII веках набеги эзельцев и куров на побережье Скандинавии и Дании стали обычным явлением. Около середины XII века эти племена укрепились на острове Эланде (у берегов Скандинавии) и создали прямую угрозу датской торговле на Балтийском море. Вальдемар I с большим трудом очистил от них остров в 1171 году. В 1188 году эсты совместно с карелами и другими «восточными народами» участвовали в разграблении и разрушении шведского торгового города Сигтуны. Этот набег можно считать ответом с их стороны на крестовый поход, предпринятый шведами в 1185 году против финнов, карелов и эстов.

(Попытки распространения католицизма среди прибалтийских племен восходят ко второй половине XI века.) Во время царствования датского короля Свена III Эстриксона (1049—1076 годы) в Курляндии была построена церковь, а с середины XII века лундские архиепископы неоднократно пытались организовать миссионерскую деятельность среди эстов и финнов. Французский монах Фулько был посвящен

в епископы эстов и с 1171 по 1178 год три раза ездил к язычникам.

До XIII века наиболее значительные успехи христианизации были связаны с культурным влиянием русских на латышские племена. Латышские слова, обозначающие церковные обряды, позаимствованы из русского языка. Конечно, до прихода немецких крестоносцев в XIII веке язычество оставалось у латышей господствующей религией, но под влиянием христианства с X века стали исчезать некоторые языческие обычаи, например сожжение трупов сменилось погребением.

Но преувеличивая уровень материальной и духовной культуры, достигнутого латышскими и эстонскими племенами к концу XII века, следует отметить, что в продолжение ряда столетий они поддерживали оживленные сношения со своими соседями: на востоке — с русскими и на севере — со скандинавскими народностями.)

От своих соседей латышские и эстонские племена получали железо, соль, а впоследствии также сукно («вадмалта»), ставшее распространенным предметом балтийской торговли. Сравнительно малолюдородная прибалтийская равнина издавна была известна как район земледельческой культуры. К моменту появления крестоносцев местные племена знали не только подсекульную систему земледелия, но и двухполье и трехполье.

(Накануне покорения немцами территория теперешних Латвии и Эстонии была покрыта укрепленными замками, в которых сидели старейшины со своими дружинами.) Генрих Латвийский рассказывает, что ливы за измену Каупо, одного из своих старейшин, причинили ему много вреда: «имения его разорили пожаром, поля опяли, улья переломали...» Судя по сообщениям Генриха Латвийского, отдельные представители знати (например латышские старейшины Мелюке и Варитрибб) обладали крупными земельными богатствами. В начале XIII века в источниках упоминаются также покупка и продажа земельной собственности. О сравнительно высоком уровне социальной дифференциации свидетельствует наличие рабов и особой социальной группы безземельных (кари). В источниках рабам и безземельным противопоставляются старейшины (seniores), высшие (primiores), лучшие (meliores), знатные (nobiles). Все эти разряды знали иногда обозначались заимствованным у русских термином «бояре». Встречаются указания начатки государственной власти. По мнению Ф. Г. Бунге, в XIII веке завоеватели только приспособились к существовавшему до крестоносцев делению страны на земли, или области, и провинции, или приходы.

Однако процесс образования феодального государства получил свое завершение в XIII—XIV веках лишь у литовцев, южных соседей латышей. (На территории же Латвии и Эстонии феодализм развивался под влиянием иноземных завоевателей.)

2

Покорение Ливонии¹ крестоносцами не было изолировано от остальных исторических извleдий XII—XIII веков. Борьба за обладание Ливонией была лишь отдельным этапом в продолжительной борьбе за господство на Балтийском море. Начиная с XII века на Балтике соперничали Дания, Германия и Швеция. Успор велся главным образом из-за того, кому из них достанется торговое преобладание на севере и, в частности, кто из них займет монопольное положение в торговле с Новгородом и другими русскими землями.)

Со времени первого крестового похода в Палестину торговля восточными товарами пошла по Средиземному морю к берегам Италии и Южной Франции, а прежний путь «из варяг в греки» потерял свое экономическое значение. Начиная с XI века сокращалась и торговля по Волге. Упадок волжского торгового пути был вызван разрушением Хозарского царства, а нашествие татар в XIII веке временно приостановило всякие торговые сношения с Каспийским морем и Средней Азией.

Но торговые пути изменили свое направление не только из-за крестовых походов и заката причерноморских степей кочевниками, а главным образом вследствие роста городов и промышленности в Западной Европе. Ярмарки Шампани и торговые центры Фландрии начали снабжать восточными товарами и европейскими ремесленными изделиями все северные страны, вплоть до Скандинавии и Новгородской земли. Изменила свое направление и торговля на Балтийском море: она шла уже не на юг, а на запад. (Торговые сношения Прибалтики с Византией и арабскими странами уступили первое место торговле с Западной Европой. Центром этой торговли стал город Висби на острове Готланде, расположенном всего в 18 милях от берегов Курляндии. Висби стал главным складочным местом в балтийской торговле. Господствующее положение на балтийских торговых путях заняли датчане, имевшие в Висби свою гильдию.)

Дания оказалась в чрезвычайно выгодном положении в связи с ростом торговли

между прибалтийскими странами и Западной Европой. Она господствует над проливами, связывающими Балтийское море с Северным. Однако в средние века морской путь вокруг Дании считался слишком продолжительным и опасным. Купцы предпочитали пользоваться сухопутными дорогами, пересекавшими южную часть Ютландского полуострова от побережья Балтийского моря к берегам Северного моря или к устью Эльбы. Недаром датские феодалы стремились к завоеванию Шлезвига, Голштинии и славянских земель, расположенных между Эльбой и Балтийским морем. Успешное осуществление этих завоевательных планов превратило бы Балтийское море во внутреннее озеро Датского королевства. Дания могла бы успешно контролировать всю торговлю между Западной Европой и северовосточными странами.

(Со второй половины XII века опасными соперниками датчан выступили немецкие купцы. Рост ремесла и городов в Германии способствовал ее торговому и военному преобладанию на Балтийском море. Немецкие и итальянские ремесленники снабжали германских феодалов усовершенствованным вооружением.) Защищенные металлургическими доспехами рыцари успешно действовали против западных славян, прокладывая через их земли путь к берегам Балтийского моря. Бремен, Гамбург и в особенности Любек сделались главными опорными пунктами немецкой торговли на Северном и Балтийском морях. На Готланде с 1163 года существовало объединение немецких купцов, не зависевшее от датчан. В 1184 году в Новгороде появился особый «немецкий двор», который начал конкурировать с существовавшей там с 1015 года факторией готландских купцов.) Датско-германское соперничество обострилось к концу XII века и вызвало ряд вооруженных столкновений.

Датский король Канут (1182—1202 годы) воспользовался политическими затруднениями германского императора в Италии и отказался принести ему вассальную присягу. После морской победы, одержанной над флотом померанского князя, Канут провозгласил себя королем славян. Император Фридрих Барбаросса мог успешно бороться на море с Данией только при помощи крепившихся северогерманских городов. Политический союз городов с императорской властью был оформлен в особых грамотах, которые Фридрих Барбаросса дал Бремену в 1186 году, Любеку в 1188 году и Гамбургу в 1189 году. В пожалованной грамоте, данной Любеку, указывалось, что город должен стать фризомом Германии, в ее борьбе с Данией. Русские, голские, норманские купцы пользовались правом

¹ Ливонией с XIII по XVI век называлась часть Прибалтики, заселенная эстонскими и латышскими племенами, в пределах территории нынешних Эстонии и Латвии

бесплатного приезда и выезда из Любека, но в грамоте было оговорено, что эти привилегии не распространяются на датчан.

(Немецкие купцы) искали прямых торговых путей в Новгород и другие русские земли в обход Дании и Готланда. Они старались обосноваться на территории теперешних Латвии и Эстонии, чтобы обеспечить себе господствующее положение на Западной Двине и Финском заливе.) Во второй половине XII века участились посещения немецкими кораблями устья Западной Двины. Немецкие купцы получили право построить каменный замок в Искуле. Искульский замок стал укрепленной факторией и опорным пунктом для торговых сношений с ливами и миссионерской деятельности среди местных племен. Местное население, опасавшееся нашествия литовцев, оказалось стоворчивым: в 1187 году был построен другой немецкий замок, на острове Далене (Гольм). Но ливы вскоре разгадали завоевательные планы немецких купцов и стали оказывать им вооруженное сопротивление.

(Завоевание Ливонии было организовано католической церковью, во главе которой стоял тогда папа Иннокентий III.)

В особой булле папа провозгласил крестовый поход против ливов и других языческих племен Прибалтики. Одним из первых результатов деятельности крестоносцев было основание в 1201 году Риги, которая стала опорным пунктом для дальнейших завоеваний и вскоре превратилась в крупный торговый центр на Балтийском море. По образцу духовно-рыцарского Ордена тамплиеров (храмовников) Иннокентий III создал орден «Братство воинства Христова», более известный под названием Ордена меченосцев. Крестоносцы и меченосцы к концу 1206 года сломили сопротивление ливов. Ливонская знать в целях укрепления своей политической власти нередко переходила на сторону завоевателей. Так поступили Анно и Каупо. Они приняли христианство и много содействовали осуществлению политических планов крестоносцев. Каупо ездил в Рим, был принят папой и получил от него в подарок сто золотых. Впоследствии Каупо во главе отрядов из местных племен сражался на стороне рыцарей против эстов.

Латышские племена, жившие на правом берегу Западной Двины и по реке Да, почти с первых же дней военных действий сделались надежными союзниками крестоносцев. Генрих Латвийский правильно объясняет подобную позицию латышей их беспомощностью при вооруженных столкновениях с литовцами, эстами и ливами. Но латыши даже после крещения их католическими миссионерами попрежнему

продолжали платить дань Пскову. Латыши из Талавы платили дань Пскову вплоть до последней четверти XIII века. В русских летописях под 6792 (1284) годом рассказывается об убийстве 40 псковских данщиков у Вольши (Мариенбурго). Этот рассказ подтверждается также немецкими источниками из городского архива Любека.

(Эсты несмотря на свою многочисленность и храбрость не могли устоять перед высокой военной техникой крестоносцев и меченосцев) в распоряжении которых имелись многочисленные вспомогательные военизированные отряды ливов и латышей.

Эсты и земгалы успешно боролись с крестоносцами лишь в тех случаях, когда им удавалось получить реальную поддержку от русских или литовцев. Особенно значительным фактором, влиявшим на дальнейшие исторические судьбы прибалтийских народностей, была политика соседних русских княжеств. В первую очередь следует учитывать политику Полоцка, Пскова и Новгорода.

В 1203 году полоцкий князь появился в окрестностях Риги, чтобы собрать дань с ливов, покоренных крестоносцами. Под Гольмом он встретил вооруженное сопротивление немецкого гарнизона и отступил. После этой неудачи Полоцк оставался в стороне от военных действий в Ливонии. Ливы еще в 1206 и 1208 годах обращались к полоцкому князю Владимиру за помощью против крестоносцев, но ничему не добились. Когда же рыцари завладели Кокенгузеном (1207 год) и Герцике (1209 год) и приблизились к границам Полоцкой земли, полоцкий князь поспешил заключить «вечный мир» с рижским епископом (1210 год), а в 1212 году отказался от своих прав на ливонскую дань. Военная слабость Полоцка объясняется сильным натиском литовцев на его земли. Вышли от мира с Полоцком только крестоносцы, которые теперь могли все свои силы направить против эстов. По словам Генриха Латвийского, в Риге говорили по поводу мира с Полоцком.

В 1210 году епископ Альберт договорился со Псковом о совместных военных действиях против эстов. Накануне рождения в 1210 году немцы, псковичи, латыши и ливы вторглись в Зонтагану и нанесли эстам тяжелое поражение. В 1216 году псковский князь Владимир снова воювал с эстами.

В результате столкновений с русскими эсты в Угавнии перешли на сторону крестоносцев. «Жители Угавнии стали просить у ливонского епископа и братьев-рыцарей совета и помощи в этом деле. Те не отказали им, обещали вместе жить и вместе умереть...» Действительно, во всех дальнейших военных походах против рус-

ских и остальных эстов унговнийцы участвовали вместе с крестоносцами, латышами и ливами.

В 1212 году псковичи изгнали своего князя Владимира за его союз с немцами. После этого был заключен русско-эстонский военно-оборонительный союз. Первые сведения о нем относятся к 1216 году, когда «эсты послали к королю полоцкому Владимиру просить, чтобы он с многочисленным войском пришел осаждать Ригу, а сами обещали в это же время теснить войной ливов и лэттов, а также запретить гавань в Динамюнде. И понравился королю замысел вероломных, так как он всегда стремился разорить ливонскую церковь, и послал он в Руссию и Литву и созвал большое войско из русских и литовцев». Полоцкий князь умер во время приготовления к походу, который из-за этого не состоялся. Но договор эстов с Полоцком был лишь частью более обширного военного союза, в котором Новгород и Псков должны были играть руководящую роль. Первые столкновения рыцарей с псковичами относятся еще к 1216 году.

В 1217 году военные действия между русскими и немцами начались с того, что унговнийцы вместе с рыцарями к празднику крещения вторглись в Новгородскую землю. К великому посту Новгород и Псков собрали большое войско «и послали звать по всей Эстонии, чтобы шли эсты осаждать тевтонов и унговнийцев в Одэмпэ». Вместе с остальными эстами явились также жители острова Эзеля, и численность русско-эстонских войск под стенами Оденпэ достигла 20 тысяч человек. Крепость сдалась. Рижский епископ Альберт считал положение настолько угрожающим, что отправил послов в Новгород и к эстам с просьбой о мире. Однако новгородцы «пренебрегли и просьбами епископа и миром с тевтонами, а сговаривались с эстами, обдумывая способы, как бы раздавить тевтонов и уничтожить ливонскую церковь». Но намеченный в 1217 году поход против Риги не удался. Генрих Латвийский рассказывает, что «великий король Новгорода Мстислав в то время был в походе против короля Венгрии, готовясь биться за Галицкое королевство, а на престоле своем в Новгороде оставил нового короля. Этот же, отправив послов в Эстонию, обещал прийти с большим войском вместе с королем Владимиром и множеством других королей. И обрадовались эсты и послали людей по всей Эстонии и собрали весьма большое и сильное войско и стали у Палы в Саккале».

Рыцари стремились помешать соединению военных сил эстов и русских. Получив подкрепления в виде нового отряда крестоносцев, рыцари со своими союзника-

ми — ливами и лэттами — напали на эстонское войско до прибытия русских. Произошло сражение, в котором эсты потерпели поражение, но война на этом не кончилась. В 1218 году большое русское войско вторглось в пределы Ливонии и дошло до Вендена. Генрих Латвийский называет войну, начавшуюся в 1217 году, «великой войной русских и эстов против ливонцев».

Рижский епископ Альберт в этот критический для него момент обнаружил большие дипломатические дарования. Он возглавил делегацию, которая от имени местной церкви и рыцарей отправилась к датскому королю Вальдемару за помощью против эстов и русских. На Германию ничего было рассчитывать, поэтому пришлось согласиться на все требования датского короля. Ливония должна была стать колонией Дании, а в церковном отношении переходила под власть лундского архиепископа. Борьба за господство на Балтийском море склонилась к победе Дании.

В 1219 году в Эстонии высадились многочисленные военные силы короля Вальдемара. В их состав входили также войска славянских князей, зависящих от Дании. Совместные военные действия датчан и рыцарей против эстов и русских продолжались несколько лет и окончились покорением Эстонии в 1224 году, а острова Эзеля — в 1227 году. Обычное соперничество датских и ливонских завоевателей сейчас же сменилось военным сотрудничеством, как только появлялась серьезная опасность совместного выступления русских и эстов. С другой стороны, делались попытки привлечь к русско-эстонскому союзу литовцев. Совместные операции русских и литовских войск против крестоносцев отмечены в 1221 году. Но для завоевателей попрежнему главную опасность представляло русско-эстонское военное сотрудничество. В 1222 году восстали эсты на острове Эзеле. «По всей Эстонии и Эзелю прошел тогда призыв на бой с датчанами и тевтонами, и самое имя христианства было изгнано из всех тех областей. Русских же и из Новгорода и из Пскова эсты призывали себе на помощь, закрепили мир с ними и разместили некоторых в Дорпате, некоторых в Виленде, а других в других замках, чтобы сражаться против тевтонов, латинян и вообще христиан; разделили с ними коней, деньги, все имущество братьев-рыцарей и купцов и все, что захватили... Выстроили по всем замкам патереллы¹ и, поделив между собою много баллист, захваченных у братьев-рыцарей, учили друг друга пользоваться ими». В 1223 году

¹ Камнеметные орудия.

20-тысячное русское войско двинулось «на помощь против тевтонов и всех латинян». Русские и эсты осадили занятый датчанами еще в 1219 году замок Линданис (Ревель). Бывший когенгузенский князь Вячко занял Дерпт (Юрьев), «и приняты его жители замка с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, и отдали ему подати с окружающих областей». Представители епископа Альберта пытались уговорить русских отказаться от союза с эстами, но никаких результатов не добились.

(В 1224 году положение датчан, крестоносцев и рыцарей неожиданно укрепилось благодаря нашествию монголов на Восточную Европу.) На реке Калке военные силы русских были уничтожены монгольскими полчищами. По свидетельству Генриха Латвийского, одним из политических последствий поражения на Калке было стремление русских князей обеспечить себе мир со стороны Ливонии. «Тогда король смоленский, король половецкий и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить о мире». Новгород и Псков попрежнему поддерживали эстов в их борьбе с датчанами и крестоносцами, но после смерти Дерпта (1224 год) и они согласились на мир. С того времени Новгород и Псков перестали открыто оказывать эстам вооруженную поддержку.

Рижский епископ и орден все время следили за борьбой партий в Новгороде и Пскове. Немцы поддерживали так называемую «народную партию», а на деле партию бояр, против князя Ярослава. Когда «народная партия» захватила власть во Пскове, она заключила с рыцарями военный союз против Ярослава и Новгорода (1228 год). Силы Пскова и Новгорода были отвлечены не только внутренними усобицами и татарской опасностью, но и борьбой с литовцами. Между 1213 и 1234 годами литовцы семь раз грабили владения Новгорода и Пскова.

Первое известное в истории военное сотрудничество русских и эстов продолжалось с 1215 по 1224 год, (около 10 лет). Последовавшие затем долгие годы тяжелого иноземного гнета не в состоянии были искоренить в сознании широких масс веру, что при поддержке великого русского соседа им удастся добиться освобождения. Во время так называемого великого восстания эстов 1343 года, которое по своим размерам и ожесточенности предвосхитило Жакерию¹, восставшие обратились за помощью к русским. Но Псков и Новгород опоздали и не сумели использовать благоприятный момент для восстано-

вления своего политического и военного влияния в Прибалтике.

После покорения эстов и временного прекращения военных действий с русскими рижский епископ и меченосцы начали открытую борьбу против своих союзников — датчан. Датский король вынужден был отказаться от своих притязаний на всю Ливонию, но удержал за собой северную часть Эстонии с городом Ревелем. Однако исход датско-немецкого соперничества из-за преобладания на Балтийском море был решен не в Ливонии, а в сражении при Борнхеведе (1227 год), в котором победителями вышли северогерманские города и союзные с ними князья. Могущество Дании оказалось сломленным. Используя создавшуюся ситуацию, немецкие рыцари захватили датскую Эстонию и Ревель. По договору в Стенбю (1238 год), Дания признала объединение Ордена меченосцев с Немецким орденом. В виде компенсации ей возвратили Ревель и северную часть Эстонии. Датские короли вынуждены были примириться с торговлею преобладанием северогерманских городов на Балтийском море, в Новгороде, Скандинавии; даже в самой Дании немецкие купцы пользовались всякими преимуществами перед остальными торговцами.

Победа над Данией благоприятствовала завоевательной политике Немецкого ордена и его филиала — Ливонского ордена, как стали обычно называть Орден меченосцев после 1237 года. Крестоносцы стремились захватить Литву и северозападные русские земли. Они начали обход Чудского озера с юга и севера. Орден завладел Изборском и даже Псковом (сентябрь 1240 года). В 1240 году рыцари вторглись в Волжскую пятину Новгорода и построили там замок Копорье. Повличному, военные действия ордена против Пскова и Новгорода были согласованы со шведами.

Швеция не оставалась в стороне от происходившей в XII—XIII веках борьбы на Балтийском море. Во второй половине XII века шведы вторглись в Финляндию, откуда они делали частые набеги на Карелию и соседние новгородские земли, пытались завладеть Невой и опрестать Новгороду выход к Финскому заливу. В 1220 году шведский король Иоанн в союзе с лундским архиепископом, давнишним соперником бременского епископа, высадился с крупными военными силами в Западной Эстонии и пытался завладеть Роталией и замком Леаль. Но шведская колония, вскоре была уничтожена эзельцами. Конечно, главными виновниками неудачи шведов в Эстонии следует считать датчан и немецких рыцарей. Шведская экспансия в сторону Новгорода также не имела успеха.

¹ Восстание французских крестьян против феодалов в 1358 году.

В 1240 году крупные военные силы шведов под командованием правителя Биргера появились на Неве, но были разбиты Александром Невским. В марте 1242 года Александр Невский изгнал из Пскова немецких фогтов, назначенных орденом, а 5 апреля разгромил рыцарей на Чудском озере. Эта битва вошла в историю под названием «Ледового побоища». Еще до этого, в 1241 году, немцы вынуждены были оставить Копорье и Водскую землю. На северо-востоке границей Ливонии оставалась река Нарова, важным припрытнем которой являлся город Нарва, построенный в 1256 году.

После «Ледового побоища» в русско-ливонских отношениях наступил продолжительный мир, который нарушался только незначительными вооруженными столкновениями, носившими по преимуществу характер пограничных инцидентов и не имевшими серьезных последствий. Русские князья были ослаблены взаимными войнами и зависимостью от татар, а силы ордена были заняты в продолжительных войнах с Литвой. В 1236 году Орден меченосцев был разгромлен литовцами при Сауле (под Бауском), а в 1260 году литовцы нанесли рыцарям не менее страшное поражение при Дурбене (возле нын. Либавы). Последствиями побед литовцев были всеобщие восстания в Пруссии и возобновление военных действий со стороны муров и земгалов в Курляндии. Орден оказался перед опасностью заключения военного союза между Александром Невским и литовским князем Миндовгом. Но орден справился с этими затруднениями. В 1283 году было подавлено восстание пруссов. В 1290 году орден покориł земгалов и тем завершил завоевание Ливонии

(К XIV веку территория, подвластная крестоносцам, простиралась от Вислы до реки Наровы. Польша, Литва, Белоруссия, Украина и русские земли оказались отрезанными от Балтийского моря, к которому они экономически тяготели. Северогерманские города, объединившиеся в XIV веке в Ганзейский союз, приобрели большое экономическое и политическое влияние. В их руках была сосредоточена вся морская торговля, от Фландрии до Новгорода. Таковы были итоги первого периода борьбы за господство на Балтийском море)

3

В первой половине XIII века Ливония — в пределах нынешней территории Эстонии и Латвии — превратилась в заморскую колонию феодальной Германии и Дании. Однако ее международное положение определялось не столько политической

зависимостью от метрополии, сколько удельным весом ливонских городов в общей системе ганзейской торговли. Через Ригу проходила почти вся внешняя торговля русско-ливонских земель, расположенных в бассейне Западной Двины. Новгород и Псков также вынуждены были пользоваться посредничеством ливонских городов, особенно во время борьбы со Швецией, когда военные действия на Ладозском озере, Неве и в Финском заливе затрудняли непосредственные сношения Новгорода с северогерманскими ганзейскими городами. Экономический расцвет Нарвы, Ревеля, Дерпта, Пернова и отчасти Риги был связан с русско-ливонской торговлей.)

Ливония, государственной строй которой окончательно сложился в конце XIII века, никогда не представляла собой единого политического организма. В Ливонии насчитывались 4 епископства: рижское, дерптское, эзельско-висьское, курляндское, или шильтенское; пятый епископ, ревальский, не имел собственной территории. Римские папы смотрели на Ливонию как на страну, подчиненную «святому престолу». Папа Иннокентий III объявил Ливонию владением богородицы (наподобие того, как Палестина называлась страной бога-сына). Папа, сохраняя за собой высшую власть в Ливонии, предполагал управлять ею при помощи своих легатов. Рим придерживался правила «разделяй и властвуй», поэтому никто из 5 местных епископов не был признан сюзереном по отношению к остальным, а все они считались в политическом отношении равноправными.

Орден меченосцев, утвержденный в 1202 году папой Иннокентием III, находился в вассальной зависимости от рижского епископа, с 1245 года называвшегося архиепископом. Эта зависимость сохранилась и тогда, когда Орден меченосцев слѣлся с Тевтонским орденом¹ (1237 год). После объединения магистр Ливон-

¹ Тевтонский орден (называемый также Прусским, или Немецким) был учрежден в 1128 году в Иерусалиме. В начале XIII века Тевтонский орден обосновался в Пруссии, населенной в то время литовским членом пруссов, и приступил к ее систематической колонизации.

На захваченных землях строились замки и города, жители истреблялись или подвергались насильственному крещению и обращались в крепостных, покоренные области заселялись выходцами из Германии. В течение XIV—XVI веков Тевтонский орден вел многолетние войны с Польшей, Литвой и Россией.

В первой половине XVI века орден потерял свое политическое значение. В начале XIX века он был распущен декретом Наполеона.

ского ордена стал подчиняться великому магистру, или гохмейстеру, Немецкого ордена, а рыцари Ливонского ордена попрежнему приносили вассальную присягу рижскому архиепископу. Пуганица феодальных отношений еще усугублялась благодаря тому обстоятельству, что в 1207 году рижский, а позднее дерптский, эзельский и курляндский епископы стали вассалами германского императора. Города Ливонии, по большей части члены могущественной Северогерманской ганзы, пользовались значительной самостоятельностью как в области управления и судебной власти, так и при решении общеполитических вопросов.

В качестве претендентов на роль политического гегемона в Ливонии выступали орден, владевший половиной Ливонии, и рижский епископ, которого обычно поддерживал богатый город (Рига) видевший в ордене опасного торгового соперника. Уже первый этап этой борьбы (1297—1330 годы) обнаружил превосходство военных сил ордена. Цистерцианский монастырь в устье Западной Двины, контролировавший морскую торговлю Риги, остался за орденом.

Последующие события еще более способствовали укреплению политического престижа ордена. Только при помощи Ливонского ордена удалось подавить великое восстание эстов в 1343 году и сохранить господство завоевателей над покоренным населением. Еще больше усилился авторитет ордена, когда в 1346 году он приобрел датскую Ливонию с Ревелем. В 1366 году орден освободился от вассальной зависимости по отношению к рижскому архиепископу.

Высший подъем могущества Ливонского ордена относится ко времени магистра Вальтера фон Шлеттенберга (1494—1535 годы), под покровительство которого в 1526 году отделились все ливонские епископы и сословия. Однако ни орденские магистры, ни епископы не могли, как должностные лица католической церкви, стать носителями наследственной монархической власти. Это затрудняло превращение Ливонии в централизованную монархию.

(В XIV веке появились ландтаги во владениях отдельных феодалов, а с 1422 года стали собираться и общеливонские ландтаги. Они состояли из 4 сословий: 1) духовенства (епископов, аббатов и членов кликулов), 2) магистра и других высших должностных лиц и членов Ливонского ордена, 3) вассалов (рыцарей) епископов и ордена и 4) представителей городов. В истории западноевропейских стран сословная монархия сыграла положительную роль. Королевская власть при поддержке отдельных сословий успешно боролась с

феодальной раздробленностью государства и готовила его окончательное политическое объединение. В Ливонии же произошло обратное: вассалы образовали особое сословие и добились ослабления власти своих сюзеренов (епископов и ордена). Главным препятствием к политическому объединению Ливонии оказалось сложившееся соотношение классовых сил. Экономически сильная и политически влиятельная буржуазия ливонских городов была расколота на враждовавшие между собой группы. (Рига, Ревель, Пернов, Дерпт и другие города были торговыми соперниками и не могли совместно выступать в качестве объединителей страны.) Мелкие феодалы (рыцарство) стремились к ослаблению или полной ликвидации епископов и ордена. Рыцари стремились стать помещиками. В этом им препятствовал орден, выступавший в качестве крупного землевладельца и мешавший переходу земли в руки отдельных феодалов. Чем больше укреплялись экономические позиции рыцарства благодаря торговле продуктами сельского хозяйства и усилению крепостного права, тем яснее определялись его политические идеалы. (Не абсолютная монархия, а дворянская республика наподобие шляхетской Польши стала политическим идеалом ливонского дворянства.)

К причинам внутренней слабости Ливонии следует отнести также очень тяжелое положение местного крестьянства. К крепостнической эксплуатации присоединился национальный гнет. (Прозное восстание эстов в 1343 году, сопровождавшееся тотальным истреблением немецких и датских феодалов, было направлено не только против власти помещиков, но и против национального угнетения.) Но и после подавления восстания завоеватели должны были постоянно помнить о неугасимой вражде к ним покоренного населения.

(Развитие крепостного права привело к ослаблению военных сил ордена. Закрепощалась прежде всего довольно многочисленная прослойка лейманов, то есть свободных крестьян, служивших во вспомогательных войсках) и игравших немаловажную роль во всех военных походах XIII—XIV веков. Крепостные же крестьяне не могли считаться надежной военной силой.

Тяжело вооруженная рыцарская конница теряла свое значение, уступая место военным наемникам, вооруженным огнестрельным оружием. Но в Ливонии переход к системе наемных войск затруднялся отсутствием средств. Дворяне отказывались от уплаты каких бы то ни было налогов, а крестьяне и без того были разорены барщиной и оброком.

В этих условиях существование феодальной Ливонии, ставшей к XVI столетию политическим анахронизмом, могло продолжаться лишь до первого столкновения с любым из соседних государств, сильно окрепших в военном и политическом отношении к началу XVI века.

4

В XVI столетии начался новый период борьбы за Балтийское море. В ней участвовали, как и в XII—XIII веках, Россия, Дания, Швеция и северогерманские города. Кроме того появился новый претендент на «ливонское наследство» — Польско-Литовское государство.

В XVI веке за ходом борьбы в Ливонии следили во всей Европе, а также в Турции. Одни с надеждой, а другие с опасением ожидали перегруппировки сил на Балтийском море. Каждая из участвовавших в войне держав: католическая Польша, протестантская Швеция или Московское государство — могла оказать в случае своей победы самое непосредственное влияние на ход борьбы в Западной Европе, происходившей между реформацией и контрреформацией, испанским абсолютизмом и нидерландской революцией.

Соотношение сил изменилось не в пользу Германии, которая при дележке покоренной ею Ливонии вынуждена была оставаться посторонним наблюдателем.

С другой стороны, политическая обстановка на восточных границах Ливонии со второй половины XV века изменилась: вместо Новгорода и Пскова восточным соседом Ливонии стало быстро возвышавшееся Московское государство, в 1478 году присоединившее Новгород, а в 1510 году — Псков. Становилось очевидным, что сильная Москва потребует доступа к Балтийскому морю. Между тем Ливонский орден клонился к упадку. В 1410 году силы Немецкого ордена были разгромлены под Тауэнбергом войсками Польши и Литовско-Русского государства, поэтому Ливония не могла рассчитывать на военную помощь ордена.

В XVI веке германский император и римский папа находились в затруднительном положении из-за реформационного движения в Западной Европе и поэтому не в состоянии были оказывать помощь своей отдаленной колонии. К началу XVI века ганзейские города в значительной мере потеряли свое монопольное положение на рынках Северной Европы. Позиции же Дании на Балтийском море в XV веке снова усилились. Во главе Кальмарской унии¹ стояли датские короли. В 1460 году Дания

завладела Шлезвиг-Гольштинией и при поддержке голландских купцов начала борьбу против экономических привилегий ганзейских городов. Тяжелый удар был нанесен Ганзе в 1494 году, когда царь Иван III закрыл ганзейскую контору в Новгороде. Распад Кальмарской унии в начале XVI века не облегчил положения Ганзы. Рост торговли Англии и Голландии на Северном и Балтийском морях подорвал экономическое и политическое могущество северогерманских городов. Нидерландские, английские и норвежские купеческие корабли все в большем количестве появлялись на Северном и Балтийском морях. Великие географические открытия изменили направления торговых путей и вызвали перемещение мировых торговых центров. Страны бассейна Балтийского моря стали главными поставщиками хлеба, корабельного леса, смолы, дегтя, льна, шельки и других материалов, необходимых для западноевропейской кораблестроительной промышленности. В первой половине XVI века ливонские города извлекали немалые экономические выгоды из торговых затруднений остальных ганзейских городов.

Сухопутная дорога из Новгорода через Псков к приморским городам Ливонии приобрела исключительное значение после закрытия ганзейской конторы в Новгороде. Несмотря на протесты остальных членов Ганзы ливонские города в первой половине XVI века фактически монополизировали посредническую торговлю между Западной Европой и Московским государством.)

Экономически выгодное положение Ливонии оказалось чрезвычайно опасным для нее политическими последствиями. К середине XVI века стало уже очевидным, что сильное Московское государство не захочет долго мириться с таким положением, когда ее экономические и культурные сношения с Западной Европой зависели от усмотрения правителей Ливонии, которая к тому же переживала глубокий политический кризис, угрожавший окончиться ее распадом или подчинением соседним государствам (Литва, Польша).

Русские помещики могли бы вывозить в Западную Европу хлеб, кораблестроительные материалы и другие товары, минуя посредничество ливонских городов, если бы Московское государство имело выход к Балтийскому морю. Свободное общение с Западной Европой необходимо было России и для того, чтобы не отставать в области техники и культуры от передовых стран того времени. Поэтому в переговорах 1554 года с ливонским посольством московское правительство настаивало на свободном проезде русских посольств в Западную Европу через территорию Ливонии и на беспрепятственном пропуске в Москву

¹ Политический союз Дании, Норвегии и Швеции, существовавший с 1397 по 1523 год.

иностранных мастеров и художников. При подписании договора с Ливонией московское правительство предупредило, что заключение союзного договора между Ливонией, Польшей и Литвой оно будет рассматривать как повод к войне. Несмотря на это Польша в 1557 году начала концентрацию своих войск на литовско-ливонской границе и добилась того, что 14 сентября магистр Ливонского ордена подписал договор о союзе, направленном против Москвы. На самом же деле договор 1557 года с Польшей оказался смертным приговором самостоятельности Ливонии.

Царь Иван IV ответил отправкой русских войск в Ливонию (1558 год). Началась Ливонская война (Польско-литовские войска заняли целый ряд городов и замков в Ливонии, но они уклонялись от прямых военных действий против русских. В 1561 году Ливония распалась. Северная Эстония с городом Ревелем отдалась под власть Швеции, которая стала господствовать над обоими берегами Финского залива. Восточная Эстония от Нарвы до Дерпта осталась в руках русских. Западная часть Эстонии (Вик, остров Эзель) и Северная Курляндия (епископство Пильтенское) достались датскому герцогу Магнусу. Польша удержала Латвию и ту часть Ливонии, которая потом вошла в состав Лифляндской губернии. Курляндия была объявлена герцогством, находящимся в вассальной зависимости от Польши.

Ливонская война прошла через несколько этапов. На первом этапе так называемая «русская война» (с 1558 по 1562 год) окончилась распадом Ливонии. На втором этапе в военных действиях принимали участие все соседние державы, претендовавшие на ливонское наследство. Русско-польская война с перерывами продолжалась с 1562 по 1582 год. Одновременно с нею шла русско-шведская война, также с перерывами продолжавшаяся с 1562 по 1583 год. На этом же этапе войны произошло вмешательство Дании в вооруженную борьбу за Ливонию. Соперничество между Данией и Швецией привело к Северной семилетней войне (1563—1570 годы). Благодаря ей Иван IV мог обратить свои главные силы против Польши, не опасаясь нападения со стороны Швеции. Польские войска были отеснены на линию Западной Двины, а с 1572 по 1578 год Польша фактически не участвовала в военных действиях. В 1577 году вся страна от Финского залива до Западной Двины, за исключением Ревеля и Риги, была занята русскими войсками. Иван IV высоко ценил приобретение ливонского побережья Балтийского моря и господство русских на Западной Двине, про которую говорил, что у нее берега серебряные, а дно золотое.

Но, вступая в борьбу за Ливонию, Иван IV не учел сложной международной обстановки. Начиная с конца 70-х годов ослабленные военные силы Москвы вынуждены были отступать под двойным натиском армии польского короля Стефана Батория и шведских войск, которыми командовал талантливый полководец Делагарди. По договору 1582 года с Польшей и 1583 года со Швецией, царское правительство отказалось от всех своих завоеваний в Ливонии и кроме того уступило Швеции города Копорье, Ямбург, Ивангород и Кексгольм.

Северная Эстония с Ревелем осталась за Швецией, а вся остальная Ливония отошла к Польше. Но достигнутые результаты не удовлетворяли ни Польшу, ни Швецию. В 90-х годах XVI века борьба за Балтийское море возобновилась. В 1592 году одним из претендентов на шведский престол выступил польский король Сигизмунд. В случае вхождения Сигизмунда III в Швецию произошло бы оформление политического и военного союза между Польшей и Швецией под видом личной унии. Руководящая роль в этом союзе, направленном против Москвы, досталась бы Польше, которая являлась форпостом католичества на востоке Европы. Правящие круги Польши надеялись при поддержке иезуитов Австрии и Испании и шведских феодалов восстановить католичество в Скандинавии, укрепить польское господство на Балтийском море и присоединить Эстонию к остальным владениям Польши в Ливонии.

Но угроза феодальной-католической реакции вызвала восстание шведских крестьян и рудокопов против Сигизмунда III. Восставшие поддерживали кандидатуру герцога Карла, младшего сына Густава Вазы. С 1600 года военные действия были перенесены на территорию Эстонии и Латвии.

Польско-шведская война сопровождалась страшным опустошением Прибалтики. Хотя в 1604 году Карл и занял шведский престол (под именем Карла IX), но военные действия в Ливонии не прекращались. Они продолжались и при его сыне и преемнике Густаве-Адольфе (1611—1632 годы) вплоть до заключения в 1629 году Альтмаркского перемирия, по которому вся территория Эстонии и северная часть Латвии до Западной Двины и ее притока Эвст осталась за Швецией. Борьба за Балтийское море окончилась поражением Польши.

В дальнейшем борьба за Балтийское море привела Швецию к вмешательству в Тридцатилетнюю войну в Германии (1618—1648) и к новой войне с Данией (1643—1645 годы). Эти войны, хотя и велись вдали от Ливонии, все же требовали от местного населения значительных материальных жертв. По мирному договору 1645 года, Дания была вынуждена отказаться

от острова Эзеля, который был присоединен к шведской Лифляндии.

(Войны, продолжавшиеся семьдесят лет (с 1558 по 1629 год), превратили территорию Эстонии и Латвии в полупустыню, покрытую развалинами городов и замков. Немногочисленное население, уцелевшее от ярости солдат, от повальных болезней и голода, влачило самое жалкое существование, прячась по болотам и лесам.) Польское и шведское правительства в критические для них моменты не скупились на обещания улучшить положение латышских и эстонских крестьян, но на деле права помещика над жизнью и имуществом его крестьян все росли. (Латышский и эстонский народы не были активными участниками борьбы за Прибалтику. Их судьбу решали посторонние, чуждые и враждебные им силы.)

(Для Московского государства исход Ливонской войны оказался чрезвычайно неблагоприятным. Россия была отделена от Балтийского моря широким барьером шведских и польских владений.) Территория Ливонии, занятая польскими и шведскими войсками, превратилась в удобный плацдарм для вторжения иностранных армий в пределы Московского государства. Польско-шведская интервенция в начале XVII века в значительной мере была подготовлена неудачным для Московского государства исходом борьбы за Ливонию в XVI веке.

Вестфальский мир 1648 года был кульминационным пунктом могущества Швеции. Однако с ее положением великой державы на севере Европы никогда не могли примириться ни Дания, ни Польша, ни Москва, для жизненных интересов которых превращение Балтийского моря во внутреннее озеро Швеции было крайне опасным. Поэтому борьба в бассейне Балтийского моря продолжалась и после окончания Тридцатилетней войны. Однако во второй половине XVII века перевес военных сил оставался на стороне Швеции. Шведский король Карл X (1654—1660) занял Варшаву и добился того, что литовские феодалы постановили присоединить Литву к Швеции. Окончательный распад Польши и чрезмерное усиление Швеции не соответствовали политическим расчетам московского правительства. Царь Алексей Михайлович выступил против Швеции. В 1656 году сотысячная русская армия под предводительством самого царя вступила в пределы Ливонии.

Русские войска заняли целый ряд городов, в том числе Дерпт, но осада Риги оказалась неудачной. Алексею Михайловичу не удалось покорить Прибалтику и превратить Курляндию в вассальное государство, зависимое от Москвы. По мирному договору Швеции с Польшей в Оливе (1660

год) и с Москвою в Кардисе (1661 год), за Швецией были признаны все ее прежние владения в Прибалтике, включая остров Эзель.

(В XVIII веке, в царствование Петра I, борьба России за выход к Балтийскому морю возобновилась. С первых же дней Северной войны (1700—1721 годы) польско-шведские и русско-шведские военные действия подвергли новым опустошениям территорию Эстонии и Латвии. Но дальнейшие судьбы Прибалтики были решены не боями на ее территории, а сражением под Полтавой в 1709 году.)

Полтавская победа привела к перегруппировке сил в Восточной Европе и ознаменовала превращение России, в великую европейскую военную державу. После разгрома армии Карла XII русские войска без особых затруднений взяли Ригу и Ревель в 1710 году. Значительно позднее, в 1772 году, к России была присоединена Латвия, а в 1795 году—Курляндия. Двухсотлетнее господство России обеспечило эстонскому и латышскому народам относительно мирное существование. Нашествие армии Наполеона в 1812 году затронуло лишь часть территории Латвии.

Царское правительство, укрепляя свои позиции в Прибалтике, старалось удовлетворить притязания местного дворянства и совершенно игнорировало жизненные интересы коренного населения, состоявшего в своем подавляющем большинстве из эстонских и латвийских крестьян. Однако несмотря на национальный гнет и вопреки стараниям местного дворянства (между русским народом и народами Прибалтики с каждым годом крепились экономические и культурные связи.) Продолжительная революционная борьба против царизма, которую вели народные массы Прибалтики совместно с русскими рабочими и крестьянами, способствовала их политическому сближению.

(Великая Октябрьская социалистическая революция предоставила эстонскому и латышскому народам государственную самостоятельность.) Империалистические державы, подготавливая вторую империалистическую войну и нападение на СССР, пытались использовать в своих целях территорию Эстонии и Латвии.

В 1939 году СССР заключил договоры о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой.)

Меры, предпринятые Советским Союзом на основании этих пактов для защиты балтийского побережья от возможных нападений, «обеспечивают надежную опору обороны не только для Советского Союза, но и для самих прибалтийских государств и, тем самым, служат делу сохранения мира, в котором заинтересованы наши народы» (М о л о т о в).